

Карина Сарсенова

МНОЕ

Карина Сарсенова

Иное

«Грифон»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сарсенова К. Р.

Иное / К. Р. Сарсенова — «Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-424-0

Лейтмотивом нового сборника рассказов Карины Сарсеновой является космическая музыка Добра и звучание мирового диссонанса – Зла. Их противоборство во Вселенной завораживает, даже если это небольшая увертюра в одном из уголков какой-нибудь планеты. Например, Земли. Или где-нибудь ещё... Результат, однако, не всегда предсказуем. Зло весьма изобретательно в играх с чужой слабостью. Порой ему даже удаётся устроить собственноручно управляемый ад, где Добро специально разводится и затем уничтожается, словно скотина в хлеву, а бессмертное Зло пирует на его останках. Уже который век темнейшие из тёмных и светлейшие из светлых стараются добыть то, что им больше всего нужно. Но знают ли они, что им требуется на самом деле? Об этом – в рассказах «Ангелы во плоти», «Любовь зла», «Один в поле воин», «Передачик», «Фальшивка», «Доноры успеха», «Кардинальные меры».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98862-424-0

© Сарсенова К. Р., 2018
© Грифон, 2018

Содержание

Ангел во плоти	5
Любовь зла	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Карина Сарсенова

Иное. Рассказы

Ангел во плоти

Боль вошла в его сердце внезапно, как пробуждение от кошмара. Он всегда хотел умереть во сне. Его желание сбылось.

Он не успел открыть глаза. Но это было не нужно: смотрел он теперь совсем в другую сторону – в себя самого. Захваченный огненным вихрем невыносимой муки, он растворился в ней, слился с ней и полетел в бездонную пустоту. Но, как ни странно, соединившись с пожирающим его страданием, он не перестал существовать, а напротив, стал ещё явственнее. Ещё живее. Ещё осознаннее. И ощущение не падения, но высокоскоростного подъёма в обступившей его беспросветной мгле наполняло убитое вроде бы сердце неизъяснимой радостью. Или ему только показалось, что он умер?

Нет, он действительно умер. Но отчего же эта смерть несла не забвение себя, а прояснение, не распад, но обретение, не страх, но вдохновение?..

– Потому что ты хорошо прожил свою жизнь. Ту, которая была сейчас прервана, – голос, уверенный и умиротворённый, влился в сознание и словно стал его неотъемлемой частью. Чувство невероятной с ним близости снизошло на умершего волной гармонизирующего покоя. И когда его сознание стало таким же благостным, как и сознание вошедшего в него голоса, он полностью пришёл в себя. Память огромным морем пережитых эмоций, чувств, мыслей, решений и действий плескалась прямо в его сердце. Оказывается, оно неубиваемо, его духовное сердце. И, оказывается, именно в нём и сосредотачивалась вся его вечная жизнь.

– Посмотри на себя со стороны, – мягкий приказ подтолкнул его ожившую волю.

Море накопленного опыта слегка взволновалось, пошло сначала рябью, а затем и волнами. Одна из них, самая крупная, неожиданно ещё больше выросла и девятым валом обрушилась на его внутренний взгляд. Погрузившись в глубину нахлынувшего впечатления, он вынырнул на поверхность совершенно иного пространства.

Приглушённый свет был накинута на комнату золотистым покрывалом. Огромные свечи у камина догорали, заплетая свои янтарные отблики в красное мерцание вяло дотлевающих углей. Предутренняя прохлада просачивалась сквозь плотно занавешенные окна, надёжно отделяя королевские покои от извечно угрожающего им внешнего мира. Но и их оберегание, равно как и защита прекрасно подготовленных стражей вокруг спальни, оказалось не слишком действенным средством предотвратить грядущее...

Три чёрные фигуры проявились прямиком из подступающего к телу холода. Он крикнул, чтобы предупредить лежащего в кровати мужчину о надвигающейся опасности, но спящий не проснулся. Лишь язычки жёлтого свечного пламени взметнулись, вспугнутые его сильным, но безуспешным намерением.

Холод, породивший пришельцев, стал ещё сильнее и внезапно материализовался в равнодушный стальной блеск в руках одного из них, другого, третьего... И когда нож вошёл в грудь слишком крепко уснувшего мужчины, он закричал не вместе с ним, а вместо него. Потому что тот, кому предназначался удар, умер мгновенно. И потому что он, смотревший на убиваемое тело с высоты пятиметрового потолка, прочувствовал всю боль за него. Ведь он один мог её воспринять. Ведь он один жил в этом теле долгие, но столь быстро пролетевшие годы.

Женщина, лежавшая рядом с ним, умерла на мгновение позже. Но, в отличие от него, она проснулась на секунду раньше, чем стальной клинок пронзил её сердце. Как и он, она не издала ни звука. Но причина её молчания была иной. Если он умер, так и не осознав настигшей его

участи, то она за последний отпущенный ей сознательный миг поняла и приняла свою судьбу. Она умерла, глядя ему в глаза. Потому что за мгновение до смертельного удара её душа уже летела к его душе.

Вместе они смотрели на парящее напротив удивительное существо. Огромные белоснежные крылья были неподвижны, но жили уникальной внутренней жизнью. Переливающиеся в них оттенки голубого и розового цветов излучали одновременно блаженство и непоколебимую силу.

– Вы прожили хорошую совместную жизнь, – близкий до боли голос изливался из ангельского сияния и без усилий проникал в сердца внимающих ему людей. – Но это последнее ваше единение. Отныне каждый пойдёт своей дорогой. Поблагодарите друг друга и попрощайтесь.

Её глаза, всегда наполненные тёплым светом, сейчас, после исхода души из тела, светились особенно ярко.

– Спасибо за всё, что сделал для меня! За любовь и помощь, за искренность и надежду...

– За поддержку и понимание, за верность и дружбу! – его голос вторил её словам, умножая и разворачивая вложенное в них значение. Свет, исходящий из их глаз, волной разливался по комнате. И ничего из того, что было вокруг них, ни оставленная роскошь, ни покинутые тела, ни утраченная власть – ничто сейчас не имело значения. Только любовь и благодарность жили в их сознаниях и позволяли чувствовать себя по-настоящему живыми.

– Прощание закончено, – изрёк ангел, и тотчас её душа влетела в его сияющие крылья и исчезла в них. Ласковый, но непреодолимый свет остановил его выработанное за земную жизнь желание последовать за ней.

– Она ушла в рай. Но тебе туда рано. Ты сделал несколько крупных ошибок в жизни, и поэтому я не могу отправить твою душу в вечное блаженство. Ты должен искупить свои грехи, исправить ошибки.

– Хорошо, – смирение пришло вслед за осознанием истинности ангельских слов. – Что я должен делать?

– Сейчас ты не имеешь возможности войти ни в рай, ни в ад. Такое положение указывает на необходимость прожить ещё одну жизнь. В прежней жизни твоё служение свету было недостаточным. В следующем воплощении ты обязан посвятить себя ему целиком.

– Я стану священником или монахом?

– В этом нет надобности для мира, в котором ты будешь жить, и нет необходимости для тебя. Мир нуждается в ярком слуге добру, облачённом светской властью. Именно через власть ты не смог проявить свои лучшие качества раньше. Именно через власть ты получишь шанс обнаружить и доказать преданность созиданию и добру.

– Ты оживишь моё убитое тело?

– Нет. Ты получишь новое. Но твоё задание будет сложным, потому что ты совершил слишком грубые ошибки в прошлом. В новом теле уже имеется душа. Ты должен преодолеть её убеждения и заблуждения, взять над ней власть или же соединиться с ней через любовь и дружбу и доказать свою силу в окружающем мире. Война – условие твоего нового воплощения. Война внутренняя, с иной душой и самим собой, и внешняя, с нападающим на тебя злом. Остановить его, сдержать его разрушительную силу в себе и вовне – твоя приоритетная задача. И помни: никогда не принимай на веру однозначность зла или добра. Сблуждательнее всего кроется в чёрно-белом восприятии людей и мира.

Резкий смех ударил по ушам. Он дёрнулся и открыл глаза, продолжая созерцать окружавшее его голубовато-розовое сияние. Оно постепенно уплывало из сознания, отпуская фокус его внимания. Несколько раз моргнув, он сосредоточился, наконец, на внешнем мире.

Миловидная невысокая женщина заливисто смеялась, стоя у распахнутого настежь огромного окна. Солнечный свет струился по её пухлой фигурке. Протягивая к окну руку, она держала что-то в ладони.

– Посмотри, – уловив его пробуждение, она бросила в сторону игривый взгляд. – До чего смешная белка! Не понимает, это же стекло!

Продолжая хохотать, она манила беспомощно тычущегося в окно пушистого зверька заветным лакомством.

– Софья... – слово выплыло из пространства вне фокуса его сознания. Обернувшись, женщина с радостным возгласом подбежала к кровати.

– Ты проснулся, любимый... – покрывая горячими поцелуями его лицо, она дышала сладким ванильным ароматом.

– Ты моя драгоценность! – поглаживая роскошные светлые локоны, рассыпавшиеся по её покатым плечам, он наслаждался разлившейся внутри сердца неизбывной нежностью. И тут же, почувствовав её чужеродность, неожиданно сильно сжал прильнувшую к нему белую руку.

– Ай! – чуть отстранившись, женщина с изумлением вглядывалась в его глаза. – Ты что?! Больно ведь!

– А... Прости... Не знаю, что на меня нашло... – воспользовавшись образовавшейся паузой, он аккуратно вывернулся из обнимающих его рук и поднялся с постели. Пушистый ворс ласково защекотал голые ступни. Растерянно оглянувшись, он встретился взглядом с молчаливо созерцавшей его растрёпанной красавицей.

– Франц, что с тобой? Нездоровится? Я приглашу доктора!

Вскочив на ноги, женщина побежала к темнеющей в дальнем конце комнаты широкой двери.

– Не стоит, – поймав её за руку, он осторожно привлёк незнакомую Софью к себе. Равнодушие, царствовавшее в его душе, мгновенно низвергло в глубины подсознания волну поднимающейся из них горячей страсти. «Да что же это такое, чёрт побери?» – мысленно пробормотал он, сбитый с толку своими противоречивыми эмоциями. Чувство, что он давно и близко знаком с тревожно глядевшей на него женщиной и одновременно полное её незнание рвали на части сознание, заводя в тупик. Выпустив руку знакомой незнакомки, он с удовольствием прошёлся по ласкающему ноги шёлку к тускло мерцающему зеркалу на дальней стене. Что-то неудержимо его влекло к этому закованному в роскошную раму куску отражающего реальность стекла...

Через десять секунд перепуганная красавица, стоя на коленях возле распростёртого на полу мужского тела, пронзительно кричала, зовя на помощь.

– Ты думал, что всё будет так же легко, как пообещал тебе твой пернатый друг с куриными мозгами? – голос, исходивший отовсюду из обступившей его тьмы, был невероятно, невыносимо неприятен. Словно гниющая плоть всего мира вдруг обрела способность говорить.

– Ты не справился один раз и провалишь всё снова! Никто не сможет остановить меня и предотвратить неминуемое. Никто, ни твои жалкие покровители, ни тем более ты, ничтожное отродье человеческого рода! Никчёмность, не сумевшая проявить себя нигде! Но если хочешь доставить этому миру побольше страданий и привести его к заслуженному концу – тогда действуй! Ибо ни на что другое, кроме самораспада и уничтожения окружающей действительности, ты не способен! А я буду сопровождать тебя повсюду и свидетельствовать твой заслуженный позор! И, клянусь твоей бесполезной душой, ты не раз пожалеешь, что встал у меня на пути!

Тьма отпустила его столь же внезапно, как и окружила. Открыв глаза, он судорожно вздохнул. Вонь исчезла, сменившись знакомым ароматом свежих булочек. Склонившаяся над ним бледная красавица смотрела на него из пелены застывших в её взгляде слёз.

– Ничего страшного, жить будет, – весёлый мужской голос ярким солнечным лучом заплесал в воскресшем сознании. Простоволосая женщина, с трудом сдерживая рвущуюся наружу боль, чуть заметно кивнула.

Он последовал за лучом нежданного света и увидел низенького полнокровного бодрячка, собирающего в увесистый чемоданчик медицинские инструменты. Почувствовав его взгляд, мужчина поднял голову и приветливо улыбнулся.

– Ваше высочество, не смею вас больше задерживать. Проблемка ваша такая мизерная, что её вовсе нет. Вам не следует слишком резко подниматься с постели. Проснулись, полежите маленько. Все мы знаем: вы человек очень деятельный, но во имя страны, коей вы скоро должны будете управлять, поберегите себя!

Закинув в чемодан последнюю железку, врач поклонился и жизнерадостным коlobком выкатился из комнаты.

– Похоже, он один не боится меня и даже любит! – закончив фразу, он тут же осознал её чужеродность.

– А почему он должен меня бояться? Меня и так все любят! – мгновенно возразил он своему внутреннему оппоненту, неведомо каким образом, но имеющему отчётливый внешний голос.

– Что я несу? – почти тотчас согласился тот, и он сразу понял, что это был обманный маневр. – И правда, я дурак. Враишка наверняка сербский шпион.

– Какой шпион? – сбитый с толку, он тем не менее продолжал отстаивать свою точку зрения, лишь в ней находя безопасное чувство единения с самим собой. – У меня очень сильная разведка. Все вражеские проникновения под контролем.

– Врач – шпион. Его надо уничтожить, – не унимался невидимый оппонент.

– Нет! Он мой подданный. Честный подданный.

– Софья!

– Софья!

Два возгласа, почти одновременно вырвавшиеся из одного горла, как ни странно, ничуть не напугали обладательницу этого имени. Накрыв лоб мятущегося на кровати мужчины полной мягкой ладонью, она примирительно промолвила:

– Франц, дорогой, успокойся. Всё хорошо. Ты же знаешь, эти последствия туберкулёза, который покалечил твою душу, не смертельны. Приступ надо просто пережить, полежать. Ты сможешь. Ты очень сильный человек.

– Я сильный, – два голоса в одном ответе сплелись так тесно, что ей показалось, будто приступ прошёл.

– Хотя раньше не было заметно, чтобы ты мыслил о себе в двух лицах... – сочувственно глядя мужа по щеке, Софья обречённо вздохнула.

Когда дверь за ней закрылась, он встал с кровати и быстро, пока страх не заполнил душу, подошёл к зеркалу. Затаив дыхание, он увидел там то, что и ожидал увидеть. Из стеклянной глади на него пристально смотрели два человека. Один, очевидно тот, кого называли Францем, – дальний знакомец. Несколько раз они встречались на деловых обедах и балах. Другой – известный до мельчайшей черточки. Ещё бы, ведь это был он сам. Но только почему, когда он хотел поднять руку, рука поднималась не у него, а у Франца? Если он улыбался, губы растягивались не у него, а у Франца... Когда он приседал, менял позу не он сам, но Франц... Почему же этот отдалённо знакомый человек, не друг и не враг, вдруг стал ему столь близким? Почему душа его, Александра, убитого короля Сербии, поселилась именно в это тело?

Только выражать свою волю в словах они могли оба. Но Александр предчувствовал – это было ненадолго.

– Эрцгерцог, я всегда восхищался вашей проницательностью! – мягкий голос полковника фон Ааренау действовал лучше любого успокоительного. Верный друг, возможно, единственное надёжное плечо во всей империи – Александр чувствовал это очень ясно, столь сильно было дружеское отношение души Франца к сидящему напротив человеку.

– Вы бесконечно правы, сменив систему тактических ходов именно сейчас! Мир, находящийся на грани войны, может быть спасён!

– Какое мне дело до всего мира! – пытающийся восстановить правление в собственном теле Франц обдавал потеснившую его душу откровенной яростью.

– Разумеется, никакого! – умение сочетать дипломатичность с жестокостью, крайне редкое для военного качество, наделяло полковника мастерством гениального манипулятора. Блестящий стратег на поле боя и, что гораздо важнее, в политических играх, он построил все свои победы на поле одного выигранного сражения – на прирученной лестью душе эрцгерцога. Но, как известно, самый грандиозный триумф может обернуться не менее масштабным провалом...

– Только Австрия! И её новые границы! – прижав к груди костлявые руки, Брош по-собачьи преданными глазами смотрел на своего хозяина.

– Я изменяю программу объединения Австрии и Венгрии. Поступательность, постепенность и ненасильственность – отныне таков наш лозунг! – выпятив подбородок, Александр в теле эрцгерцога прямо уставился на елозившего под его взглядом полковника. Какой неприятный тип! Но, как чуял он исходившие от души Франца эмоции, очень нужный человек. Александр довольно улыбнулся – вместе с растущей способностью прочитывать душу соперника сила того уменьшалась. С каждым произнесённым словом Александр наполнялся ощущением всецелости жизни. Своей, чужой – не имело никакого значения. Главное было – решить поставленную перед ним задачу. Её убитый король Сербии осознавал необычайно хорошо.

– Мы избежим этой бойни. Войны не будет ни в нашем государстве, ни в Европе.

Сердце колотилось в груди так сильно, что было больно дышать. Боль разливалась по телу, но он не обращал на неё внимания: его сознание было сконцентрировано на одном-единственном желании – выжить.

Тьма вокруг была абсолютно живой. И она была всюду. Не она застилала лес, по которому он бежал, но деревья вырастали из тьмы, вылеплялись из колышущегося повсюду зловонного мрака. Вонь была столь невыносима, что лишь с неимоверным усилием он делал новый вдох. Жажда жизни была сильнее темноты, страха и воню. И поэтому он дышал. И бежал.

Мгла тоже дышала. Но её дыхание было противоестественно всякой жизни. Спазмы панического ужаса стискивали душу и тело в ответ на дыхание тьмы. На каждом вдохе она пыталась высосать из него оставшееся сознание. На каждом выдохе она порождала невероятно омерзительных чудовищ. Его чудовищ. Нет ничего ужаснее поднявшихся из глубины души страхов.

Монстры бежали следом за ним. След в след, ведомые запахом его страха. Он знал, что пытаться убежать от них – пустое дело. Но желание выжить было сильнее любых доводов. С каждым его шагом они становились ближе. Ближе становились разлагающиеся тела убитых врагами им любимых людей, горящие развалины знакомых с детства домов, покрытые прахом родные улицы и парки...

Он сделал столько шагов, что уже не различал, где бьётся его сердце, а где пульсирует чудовищное бытие. И когда он пересёк свою персональную, невидимую, но прекрасно ощутимую финишную черту, они настигли его. В последний момент он понял, в чём заключался их

замысел: они загнали его в логово его личной тьмы. В его страх. В его ненависть. В его заблуждения. А он-то думал, что сумеет сбежать от самого себя. Но понимание пришло слишком поздно. И тотчас ускользнуло из распадающегося сознания, оставляя его на растерзание тьмы. И, как всякому загнанному зверю, ему оставался лишь один путь – нападение.

Он развернулся и кинулся на них. Казалось, они оценили его смелость. Испугались. А может быть, просто решили потешиться. Пока они отступали, он снова почувствовал свободу. Свободу выбора.

Свободу быть человеком. Отчаяние придаёт сил, иногда настоящих, а порой и ложных. Он выбрал самого омерзительного из чудовищ. И пошёл в атаку. Он ожидал, что схватка закончится быстро. Но не предполагал, что настолько. Так быстро, что он не успел даже осознать момент своей гибели. Однако боли он не почувствовал. Он просто провалился по мрак. Или стал им. Но теперь ему было не страшно. И это было самое главное.

Он ненавидел кошмары с детства. Ну почему они снились ему всю жизнь? Правда, помогала молитва: дурные сны отступали на неделю-полторы. Однако сейчас молиться совсем не хотелось. Напротив, мысли о Боге раздражали и вселяли необъяснимую ярость. Да и зачем нужен Бог, если он сам прекрасно знал, что надо делать. То, ради чего он родился на этот свет. Ради единственной возможной благой цели. Ради своего отечества. Он с радостью отдаст свою жизнь за то, что любил больше всего на свете. Тем более что жить ему, умирающему от туберкулёза, оставалось совсем недолго...

Уже неделю он отражался в зеркале один. Франц исчез, но движения его души по-прежнему ощущались на периферии сознания. Однако признаки жизни соперника Александра не беспокоили: он добился превосходства в своём внутреннем мире, теперь предстояло одержать победу в мире внешнем. Что там говорила ему абсолютная тьма в первый день его нахождения в чужом теле? Он почти забыл те пропахшие гнилым мясом лживые слова... Все его усилия, всё внимание было сосредоточенно сейчас на главном деле нынешней жизни – на предотвращении войны.

Кое-что из эмоционального и ментального багажа поверженной души оказалось полезным. Например, безумное стремление эрцгерцога к власти. Александр посмеивался над этой одержимостью, считая, что настоящие правители никогда не заикливаются на идее собственного могущества. Зачем доказывать очевидное? И потом, власть облагает ответственностью. Как жаль, что элементарное правило расплаты и оплаты слишком часто игнорировалось властью имущими людьми!

Но любая слабость имеет в своем истоке силу. Чем значительнее слабость, тем больше сила. Зная это, Александр нашёл способ применения недюжинной энергии соперника. Он направлял её в сложные ситуации, легко пробивая защиту оппонентов и врагов. Да, он практически питался ресурсами побеждённой души. Каждый глоток её энергии прибавлял ему чувства самодостаточности и мощи. Изменения духа были столь впечатляющи, что отражались на состоянии тела. Однажды утром Софья, теперь уже его жена, с удивлением заметила, что Франц (он давно привык откликаться на это имя) стал непохож на самого себя. Принеся в кровать крошечное серебряное зеркальце, она предложила ему самому в этом удостовериться. Заглянув в него, он испытал невероятное облегчение: нет ничего приятнее возвращения в свой прежний облик. Нет, черты лица и строение тела оставались не его, но Франца. А вот глаза, вернее, их выражение и цвет, кардинальным образом изменились.

Нынешним утром он посмотрел в зеркало опять. Его глаза на лице Франца Фердинанда светились осознанием близкого завершения данной ему миссии. Сегодня он поедет на открытие музея в Сараево. Но это была официальная версия его визита. На самом деле ему предстояло подписать сначала тайный договор с правящей верхушкой государства. С военной вер-

хушкой. С теми, кто решал многое, да что там, почти всё. И от этого договора зависела судьба всей Европы...

Грохнуло так, что машину едва не выбросило с мостовой. Но опытный шофёр справился и вывел их из зоны бедствия. Александр, наученный питаться чужими энергетическими выбросами, тут же воспользовался предоставленной возможностью. Энергия разрушения, яростной волной атаковавшая автомобиль, была уловлена и проглочена его жаждущей постоянной подпитки душой. Ведь это так трудно – жить в одном теле с сопротивляющимся тебе другим сознанием! Не просто жить, но и решать поставленную перед тобой задачу!

Мрачная энергия чужой смерти и боли наполнила душу. Не замечая её изменившейся окраски, Александр упивался ощущением переполнявшего его могущества. В ответ на духовные процессы тело выбросило в кровь ударную дозу адреналина. Горячей струей жгучая смесь азарта и гнева, драйва и ненависти разлилась по жилам.

– На площадь! В ратушу!

Острая боль пронзила руку. Резко повернувшись, он упёрся взглядом в полные слёз глаза Софьи.

– Может быть...

– Не может! – выдернув ладонь из её пальцев, с раздражением растёр свою зудящую после впившихся в неё ногтей кожу.

– Я говорил, что всё будет хорошо, – усевшись на кожаное сиденье, он с ласковым упрёком посмотрел на скорбно застывшую рядом с ним женщину. Такой чужой она не казалась ему никогда. Всё-таки она никогда не была его женой. Надо признать, он просто ею пользовался, как и всем, что принадлежало Францу. Но разве могло быть иначе в его положении? Хотя, наверное, ему стоило попытаться её полюбить...

– Дорогой, мне кажется, мы едем не в том направлении... – слабый голос Софьи коснулся его ликующей души. Ещё пару часов, и он поставит свою подпись под столь необходимым для многих стран документом!

– Мы едем туда, куда нужно, – сухой тон его ответа ударил её, словно хлыст. Вздрогнув, она снова взяла его за руку.

– У меня дурное предчувствие. Любимый, пожалуйста, давай отложим эту встречу.

Он досадливо поморщился, передёрнув плечами. Умоляющие интонации с недавних пор вызывали у него глухое раздражение.

– Пожалуйста... – стискивая его пальцы, она продолжала жалобно канючить. – Ну почему ты так сильно изменился в последнее время... Франц, ведь ты был раньше совсем другим. Ты любил меня...

Франц... Слабак и недотёпа. Помешанный на власти и страдающий манией величия кретин... Конечно, кого он мог любить, кроме этой простушки. Скользнув краем глаза по согбенному силуэту, Александр недовольно надул губы. И почему там, наверху, выбрали именно этих бестолковых людей ему в навязанных соседей?

– Франц...

– Мы и вправду не туда едем. Заплутали, – сдвинув фуражку, шофёр озадаченно почесал в затылке. – Простите, ваше высочество. Нервы ни к чёрту.

– Так разворачивайтесь! – прервав начавшуюся словесную канитель, рявкнул Александр. Нет ничего хуже, чем иметь дело со слюнтяями и истериками!

Узкая улочка не оставляла места для быстрого маневра. Нетерпеливо барабанив пальцами по кожаному сиденью, Александр с растущим раздражением наблюдал за вялыми движениями шофёра. Что с ним случилось, чёрт побери? Где он растерял весь свой профессионализм и сноровку?

Возникшая потребность всегда удовлетворяется, но не всякий раз подходящим для человека способом. Время, замедлившееся в его личном пространстве, вдруг набрало небывалую скорость в окружающем мире. Он не сразу осознал происходящие изменения, хотя воспринял их без промедления.

Сначала всё окутала ледяная мгла. Колющие холодные иглы впились в кожу, словно она и не была прикрыта несколькими слоями одежды. Темень, внезапно рухнувшая на город, мгновенно поглотила его и столь же быстро отступила, не дав возможности осознать масштабность своего присутствия. Однако глаза уже привыкли к ней. Быстро, слишком быстро... Слепящий солнечный свет резанул по сетчатке. Александр зажмурился, но сразу же открыл глаза снова, привлечённый спасительно тёмным пятном. Оно возникло прямо перед ним, так близко, что мгновение он думал, будто окончательно ослеп.

Но он всё прекрасно видел. Пятно густой зловещей мглы проступало из рассеянного в воздухе света, подчёркиваясь и усугубляясь им. Несмотря на свои небольшие размеры, оно казалось бездонным и безразмерным. Словно зачарованный, Александр созерцал подступающую к нему тьму, испытывая от визуального контакта с ней какое-то странное удовольствие. Его взгляд, погружённый во мрак, не видел ничего. И эта неспособность воспринимать была отчего-то сладостной и манящей.

Хриплый кашель заставил его вздрогнуть. Сидевшая рядом женщина с трудом глотала воздух. И только увидев её мучения, Александр ощутил омерзительную вонь, разлившуюся повсюду. И когда он снова повернулся к тёмному пятну, он увидел его. Силуэт своей смерти.

Обжигающая горячая боль пронзила шею, смешалась с вытекающей из неё кровью и залила бьющееся в судороге тело. Последнее, что он услышал, был предсмертный крик по-прежнему любившей его женщины. Последнее, что он увидел, были чёрные глаза в упор смотревшего на него мужчины. Поражённый застывшим в них выражением равнодушия, он вошёл в окутавший его белоснежный свет.

Она опять требовала развода. Нет, ну почему он не послушался тогда совета отца и всё-таки женился на дочери этого полуграмотного фермера? Неужели не было ясно, что яблоко от яблони недалеко падает? Эх, наивная в упрямстве молодость... Лишь бы настоять на своём... Лишь бы прочувствовать свою личность...

– Сэр, вы идёте? – навязчивый и фамильярный от раздражающего его нетерпения секретарь в который раз заглянул в комнату. Ну сколько можно подгонять! Однако принципы дипломатии надо соблюдать везде, особенно – в своём кабинете.

Вздохнув, Ллойд-Джордж поднялся из-за стола. Сегодняшний день обещал быть крайне важным в истории вверенного ему государства. Сегодня он проложит Англии куда более длинный и широкий путь в светлое будущее. Никто, кроме него, не понимал, что войну прекращать ещё рано. Но ставить свою подпись уже пора.

Он потратил долгие годы жизни, чтобы наполнить казну и поднять престиж собранного им правительства. Своего имени. Своей страны. Он, единственно выдающийся на сей день премьер-министр Великобритании, убедил всех, что войну следует прекратить. И именно по этой причине ему удастся пустить дело вспять. Никто не усомнился в его искренности тогда, не усомнится и сейчас. Ллойд-Джордж самодовольно ухмыльнулся. Ему действительно нет равных в проницательности и подковёрной игре! Да разве они, эти горе-политики, видят дальше своего носа? Разве они могут обозреть всё игровое поле, отличить скрытых козырей от пыжащихся пешек, рассчитать преимущества друзей и врагов на десять шагов вперёд? Да они даже толком не понимают, кого привлекать в союзники, а против кого сражаться. Проедатели казнённых денег! Один он, Ллойд, может не транжирить, но умножать богатства страны!

Сегодня он повернёт историю вспять и войдёт в её анналы несокрушимым памятником английского могущества! Потирая вспотевшие от сдерживаемого волнения ладони, он напра-

вился к двери, но в двух шагах от неё остановился, прерванный в движении вполне естественной в данном случае мыслью. Нельзя появляться на публике, не приведя себя в порядок! Пройдя через кабинет, министр вошёл в личную уборную. Склонившись над раковиной, он не спеша, тщательно умылся. Прохладная вода долгожданной благодатью заструилась по усам. Вынув из кармана костяную расчёску, мужчина поднял лицо к висевшему на стене овальному зеркалу.

На шум и грохот, щедро заполнившие уборную, кабинет и прихожую, вбежал испуганный секретарь. С перекошенным от ужаса лицом он кинулся к шефу, скрючившемуся на полу под грудой битого стекла. Полосуя руки острыми осколками, не обращая внимания на сочившуюся из ран кровь и боль, юноша самозабвенно раскапывал сверкающий курган.

– Господи! Вы живы?

В следующее после «экстгумации» мгновение он со священным страхом рассматривал ничуть не повреждённое лицо премьер-министра. Открыв глаза, тот внимательным и долгим взглядом созерцал своего спасителя.

– Вы... В порядке? Доктора? – осознавая ненужность последнего, на всякий случай предложил слушаний.

– Нам нужно спешить. Подписание конвенции не терпит отлагательств.

– Как подписание? Какой конвенции? – голос секретаря сорвался на жалобный писк. – Вы же говорили, что война должна продолжаться?

– Неважно, что я говорил. Забудьте это, – металлические нотки в голосе премьер-министра пригвоздили язык несчастного клерка к небу.

– Но вы... – с трудом откашлявшись, вымолвил верный помощник Ллойд-Джорджа. – А что с вашим голосом? Сэр. Вам нужен доктор! Осколок стекла явно попал вам в горло и повредил связки! Вы говорите не своим голосом!

– Не нужен мне врач. – Подняв с пола крупный кусок разбитого зеркала, произнёс глава правительства. Он улыбнулся, созерцая родные ему цвет и выражение чужих глаз. – Я в полном порядке. Просто следуй за мной.

– Люди никогда не будут жить в мире! Это я тебе обещаю, жалкий кусок человеческих отходов! – голос, наполненный ужасающим смрадом, вился за ним чёрным дымным хвостом. Но Александр не боялся его. Он знал: всё, что довелось и доведётся ему испытать, будет во благо его душе. Потому что она служит свету. Потому что он искренне любит людей. И потому что теперь он окончательно понял своё предназначение.

Ангел, встретивший его после третьего воплощения, был необычайно доволен. Он проигнорировал просьбы Александра оставить его в соседстве с душой английского премьер-министра до конца дней их общего тела.

– Ты выполнил свою миссию, он выполняет свою. Ты взял слишком много его энергии, и ему суждено умереть от энергетического истощения, от рака. Но не вини себя – ты действовал во благо всего человечества. К тому же твоё присутствие, а особенно дружба с душой Джорджа позволили ей подняться на новую эволюционную высоту. Твоя задача выполнена. Ты остановил стремительную разрушающую мощь зла. Но выиграно лишь одно сражение. Теперь тебе предстоит выбрать: идти в рай и наслаждаться вечным покоем или бороться за власть света снова и опять. Если ты откажешься, мир не рухнет. Мы найдём тебе замену.

Ему не понадобилось ни секунды на раздумье. Он давно знал ответ, рождённый из выбора его сердца.

– Я остаюсь активно служить свету.

Другого выбора у него не было. Ведь теперь он стал ангелом.

Отныне он обладал возможностью самостоятельно видеть необходимость следующего воплощения. Боевые ангелы, такие, как он, сражаются в телах обычных людей. Они должны

быть неотличимы от мира, чтобы победить скопившееся в нём зло. Любой ангел знает: тьма не бывает пассивной никогда.

Он смотрел на себя в зеркало и улыбался тому единственному материальному, что отражало постигшее это тело духовное изменение – своим глазам. Он привык перевоплощаться, но иногда параметры тела приводили его в некоторое замешательство. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым габаритам.

– Господин премьер-министр!

Развернувшись на зов, он едва не упал. Удержав равновесие, через плечо подмигнул отражённому в зеркале грузному человеку. С его душой, очень сильной и независимой, ему придётся налаживать особые отношения.

– У нас появилась проблема! – голос помощника звучал взволнованным фальцетом. – Нам объявили войну. Как хорошо поступил ваш предшественник, что проложил нам дорожку к сердцу России! Наверное, вместе мы сумеем одолеть нашего общего врага!

Тяжело ступая, он автоматически пожёвывал привычно болтающуюся во рту сигару и чуть заметно кивал, про себя усмехаясь человеческой наивности. Этот враг не был общим врагом. Это был его персональный враг. Тьма, так же, как и он, успешно воплощающаяся в избранных ею людях. Даже в нескольких одновременно. И поэтому она всякий раз имела имя.

И он знал точное имя одного из своих нынешних врагов.

Гитлер.

Любовь зла

Чтобы убить агамейца, надо разорвать главную из его пяти шей. Ту, по которой проходит кровеносный сосуд, напрямую снабжающий водородом огромное восьмиклапальное сердце.

Многие ошибались и погибали в зубах этих беспощадных и лучших охранников Галактических тюрем и резерваций тюремного типа.

Многие, но только не они. Жители теневой планеты Шэд, давно превращённой галактическими властями в неприкасаемую часть Вселенной, безошибочно определяли слабое место врага. А врагами были все, отличные от них. Имеющие конкретно оформленные физические тела. Лица. Пол. И жизненную силу созидания.

Внешность иллюзорна. Несмотря на своё уродство, свирепые агамейцы обожали всякое искусство, особенно музыку и пение. Сами бездарные и безголосые, они часами слушали произведения выдающихся композиторов и певцов со всех известных в Галактике миров. И в этом заключался секрет их непобедимости. Воспринятое чужое творчество становилось их личной силой. Их оружием для самозащиты от теневых существ, демонов, умеющих только разрушать. Те агамейцы, которые слушали музыку наиболее часто и долго, отличались неусыпной бдительностью и сокрушительной мощью челюстей.

Добро должно быть с кулаками.

Но зло весьма изобретательно в играх с чужой слабостью.

Для постоянного притока силы вокруг теневой планеты Шэд правительственная армия создала звуковую ауру. Миллионы мелодий сплетались в кружевную сеть дивных звуков. Агамейцы всегда были в контакте с высоким галактическим искусством. Но опять же всегда что-то, да пойдёт не так. Например, в тот день.

Метеоритный дождь ударной волной накрыл атмосферу планеты. Обычно быстро сгорающие в ней незваные пришельцы превратились в пепел и на этот раз. Но окаменевших слёз неба сегодня было слишком много. Природа изменила выстроенный разумом баланс. И в звуковой ауре возникла внушительная дыра чёрного безмолвия.

Этот страж оказался как раз в зоне её действия. Оглушённый внезапной тишиной, лишённый связи с истоком силы, он превратился в лёгкую добычу.

Демоны никогда не опаздывают напасть.

Пять безобразных мордастых голов даже не успели повернуться в его сторону. Чувствуя активную концентрацию жизни, Григер вцепился острыми, как самурайская сталь, зубами, растущими прямо из середины его бесформенного тела, в третью левую шею охранника.

Сиреневатая холодная кровь стекала на красные камни и тут же замерзала. Григер не знал, существует ли где-нибудь тонкоплановый ад. Но в наличии материального ада он нисколько не сомневался. Адом, не то чтобы реально осязаемым, а крайне навязчивым в восприятии, была его родная планета – с агрессивным климатом, обжигающе ледяным красным ландшафтом и созданным убивать жителями. Планета была адом для всех, кто на ней оказывался, а для её коренных обитателей – особенно. Чтобы выжить в рамках отпущенных природой лет, они вынуждены были подчиняться принятым правительством Галактики законам.

Жили демоны смехотворно коротко.

Каких-то тринадцать лет... А его персональные годы уже почти истекли... Даже зло недолго живёт в материальном аду.

Чтобы обрести вечность, нужно было сбежать. Получить доступ к неограниченному количеству созидательной энергии. Поглотить творческую силу самых талантливых созданий Галактики. Подчинить себе их потенциал и создать мощнейшее оружие разрушения.

Выстроить собственноручно управляемый ад, где добро специально разводится и затем уничтожается, словно скотина в хлеву, а бессмертное зло пирует на его останках.

И Григер намертво вцепился в предоставленный ему шанс.

Чужая смерть обернулась его свободой и жизнью.

Теперь он мог пройти повсюду. Собственно, поэтому теневые существа, или демоны, и были заперты в тюремных резервациях. Создания, не имеющие изначальной формы тела и лица, не могли получить документа, удостоверяющего личность.

Да они и не являлись личностями. Хотя и имели имена. Так решило правительство, пытаясь худо-бедно, но контролировать индивидуальные проявления коллективного сознания зла.

Жители планеты Шэд были паразитами на индивидуальностях всех отличных от них существ.

Сфокусированным намерением, меняющим в свою пользу любое иное сознание.

Убийцами, создающими иллюзии жизни.

Чистым и неисправимым злом на физических просторах Галактики.

А зло всегда имеет тенденцию к расширению.

Сдерживание демонов в резервациях было решением временным. Это скрыто знали сами демоны, но отказывались осознать и принять как проблему управляющие межпланетные структуры. Жители планеты Шэд специально играли с властями, делая вид, что принимают свою судьбу. Игра в поддавки – зачастую наилучший способ выиграть битву. Игра для теней – состояние привычное и оттого мастерски исполняемое. А всякое мастерство обладает несомненной силой. Они играли и ждали случая. И случай, конечно же, представился.

Во Вселенной на внешность давно не смотрели. Ценилась душа, сознание, имеющиеся у него таланты и возможности. Уродливость агамейцев вводила в ступор разве что людей. Человеческая раса развивалась устойчиво хуже других галактических цивилизаций. Но низкий уровень духовности и склонность к насилию щедро компенсировалась жадным стремлением землян к искусствам всех мастей. Именно на Земле зарождались новые тенденции в литературе, театре, музыке, живописи, голографическом и классическом кино и скульптуре... На зелёную планету толпами слетались любители и профессионалы в сфере творчества. Неудивительно, что крупнейший в Галактике продюсерский центр располагался в лоне человеческой цивилизации.

Его новая внешность служила пропуском на планеты всех уровней. Особенно на те, где собирались почитатели музыкального искусства. А другие, более приземлённые, миры Григер и не собирался посещать. Его интересовала Земля и дружественные ей области Вселенной. В первую очередь – планета Кармен.

Этот затерянный в космической глуши миниатюрный каменный шарик был широко известен во всей Галактике. Планетка, названная в честь героини из архаичной земной оперы, славилась гуманоидными певцами академического вокала. Потрясающее разнообразие голосов достигалось благодаря семи полам одного биологического вида, представлявшего собой певческую цивилизацию Кармен. Только два из этих полов могли похвастаться природным происхождением. Остальные пять вывелись специально для обогащения голосового звучания. По мнению межгалактической ассоциации музыкальных критиков, состоящих на две трети из существ искусственно смоделированного пола, затея явно удалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.